

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Живёт в Подмоскowie в наши дни один уже очень пожилой человек. Ему в ноябре этого года исполняется 90 лет. Но и соседи не все знают, какая у него, удивительная судьба. Он родом из Голландии, сражался с фашизмом в годы Второй мировой войны, будучи участником Сопротивления, а потом — в качестве офицера британской разведки. Имя его Джордж Блейк. Находясь в Корее во время американской интервенции в начале 50-х годов, он увидел страшные последствия варварских американских бомбардировок, массовые убийства мирных граждан и, разочаровавшись в “ценностях” западного мира, заинтересовавшись идеями коммунизма как более справедливого общественного строя перешёл на сторону Советского Союза. С тех пор он стал сотрудничать с советской разведкой и, работая в самом сердце британских секретных органов в Лондоне, принёс немало пользы нашей стране, своевременно предупреждая о готовящихся провокациях и разведывательных операциях западных спецслужб, направленных против СССР.

АЛЕКСЕЙ АБРАМЫЧЕВ

“А ОН ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ...”

К 90-летию Джорджа Блейка

*А он хороший парень,
а он хороший парень, —
и так мы скажем все!*

Старинная английская песня

Особое место среди “ложи тайных агентов” занимают интеллектуалы, несущие в себе “искру Божию”, которые посвятили жизнь разведке из чувства внутреннего долга, по идеологическим, — сопоставимым порой с религиозным чувством, — убеждениям. Из них формируется белая кость “гильдии невидимого фронта” — ее гвардейцы... Они сбиты из материала особого сорта. У этих людей, обладающих высокой нравственностью, стальной волей и крепкой нервной системой, особая судьба и свои понятия о Чести. Наличие в государственной структуре противника даже одного “агента глубокого проникновения” — разведчика-нелегала — крупная удача для любой Службы.

Если в сообществе рыцарей невидимого фронта оставить только професионалов такого класса, шеренги “легиона разведчиков” катастрофически поредеют. В нём останутся избранные единицы. Именно к ним принадлежит наш герой.

Джордж Блейк стал сотрудничать с советскими спецслужбами по идеологическим соображениям, веря, как и его предшественники — Ким Филби (1912–1988), Гай Берджес (1911–1963) и его близкий друг Дональд Маклэйн (1913–1983) из знаменитой “кембриджской пятерки”, в коммунистическую идею. Вся “звездочка”, как и Блейк, работала на СССР сознательно и бескорыстно.

В отличие от “кембриджцев”, которые были привлечены к работе на разведку Советского Союза агентом Коминтерна Арнольдом Дейчем, Блейк перешёл на сторону советской разведки по своей инициативе.

Свой выбор Блейк сделал более полувека назад. О нём изданы книги и многочисленные воспоминания, в том числе его друзей по заключению — Шона Бэрка, Майкла Рендла и Патрика Поттла. Разведывательная деятельность Блейка отражена в книге “100 великих разведчиков” (Москва, “ВЕЧЕ”. 2007). В книге американских историков Н. Поллара и Т. Алена “Энциклопедия шпионажа” (М., “Кронпресс”, 1999) авторы назвали Блейка одним из самых ценных агентов советской разведки.

В предисловии к автобиографическому повествованию легендарного разведчика “Прозрачные стены” (М.: “Молодая гвардия”, 2009) бывший директор Службы внешней разведки России Сергей Николаевич Лебедев в обращении к читателю, наряду с высочайшей оценкой деловых качеств своего товарища по Службе, особо отметил, что выбор Блейка никогда не менялся в зависимости от политической конъюнктуры: “И в советский период, и во время перестройки, и в сегодняшние дни Блейк сохраняет верность своим идеалам, которые побудили его к оказанию разведывательной помощи нашей стране... Ничто не смогло сломить этого уникального человека, который в самые трудные моменты оставался убежденным в справедливости того дела, которому посвятил жизнь, продолжая самоотверженно трудиться для достижения своих благородных целей”.

Служба высоко оценила деятельность легендарного разведчика, наградив его знаком “Почетный чекист” № 1 и присвоив ему звание полковника. Среди правительственных наград следует особо выделить Орден Ленина — высшую награду СССР.

Разведывательная работа Блейка завершилась не по его вине — он был выдан предателем. Широкой общественности о Блейке стало известно после оглашения британским правосудием приговора, содержащего самый длинный в английской истории срок заключения. Приговоренный к 42 годам, он должен был бы выйти из тюрьмы в 2003 году.

С момента оглашения приговора британского суда в отношении Блейка (1961 г.) прошло более пятидесяти лет. Однако внимание к нему у нас, а также в западных странах и, прежде всего, в Великобритании, с годами не ослабевает.

В канун юбилея Джорджа Блейка невольно задаешь себе вопрос: чем можно дополнить его образ, нужно ли повторять давно известное? Ведь столько книг о нём уже издано. Сколько напечатано очерков, статей... И мемуары, и кинофильмы...

Думаю — необходимо. Люди, в первую очередь молодёжь, интересующаяся настоящим, мечтающая о будущем, хотя всё больше и полнее знать о прошлом, о своих предшественниках. Особенно сегодня, когда за любимыми их поступками новоявленные либералы видят корысть и личную выгоду, а слово “патриотизм” стало ругательным.

Трагическое время XX века отразилось в его характере, которому суждено было сформироваться в ходе событий Второй мировой войны и послевоенной “холодной войны”.

Обстоятельства сложились так, что после вынужденной эвакуации матери и двух младших сестёр в Англию Джордж, житель Голландии, имевший британское гражданство, остался в захваченном нацистами Роттердаме. Арест юноши в оккупированной немцами Голландии и пребывание в лагере, охраняемом войсками СС, борьба против нацистов в рядах движения Сопротивления (1941–1942), второй арест в Испании закалили его характер. Нелегальное, по фальшивым документам “путешествие” юноши через всю Европу в самый разгар войны из Голландии через Францию и Испанию в Гибралтар, а затем в Лондон (куда он прибыл в январе 1943 года) — яркое свидетельство его способности совершать сложные, потенциально опасные операции.

Службу в британском военном флоте и Сикрет Интеллиндженс Сервис (1943–1950) Блейк проходил зрелым, в расцвете сил молодым мужчиной. Работа в рядах советской разведки (1953–1961 и 1966–2012) явилась его осознанным выбором.

Суд над Блейком привёл к дипломатическому скандалу. Добытая им информация нанесла удар не только Милитер Интеллиндженс-6 (МИ-6),

но и ЦРУ. Большинство операций этих служб благодаря Блейку оказались под контролем советской контрразведки.

Я впервые услышал о Джордже Блейке от ветерана Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, кавалера пяти орденов Красного Знамени, генерал-майора Александра Васильевича Трусова.

— Своими действиями Блейк, а до него “кембриджская пятерка”, — как уверяет Александр Васильевич, — свели на нет основную часть работы всей британской и американской разведки с конца Второй мировой войны.

— За что обрушилась такая напасть на древнюю западную островную демократию? — шутил, вспоминая дело Блейка, ветеран разведки. — Переданные Блейком сведения невозможно переоценить. Они привели к провалу практически всей работавшей против СССР агентуры МИ-6, приоритетом деятельности которой являлись “дела и интересы Соединенного Королевства” в целом. На его счету огромное количество добытой информации и раскрытых операций.

Раскрытие плана строительства тайного англо-американского 600-метрового туннеля (прорытого ими недалеко от Западного Берлина в 1954 году для подключения к советским кабелям связи и перехвата секретной информации) стало одним из самых громких провалов МИ-6 и ЦРУ времён “холодной войны”. Эта операция, проводимая с целью перехвата телефонных разговоров и ценных данных о советских войсках, стоила миллионы долларов. Блейк с начала её проведения регулярно передавал в Центр сведения, касающиеся строительства и эксплуатации этого туннеля вплоть до своего отъезда из Лондона (1955).

О ценности Блейка как агента говорит следующий факт. Решение о прекращении советской стороной операции “Берлинский туннель” совпало со временем намечавшегося визита Н. С. Хрущёва в Англию (1956). Советский лидер дал указание, “...добиваясь максимальной публичности, акцентировать роль американцев, не упоминая англичан, — “обнаружить” туннель так, чтобы не поставить под удар Джорджа Блейка”.

В день “обнаружения” туннеля Хрущёв находился на официальном приеме в Букингемском дворце (22 апреля 1956) и, чтобы не поставить под удар легендарного Блейка, не сказал ни одного обидного слова в адрес британских спецслужб. Зная его взрывной характер, можно с уверенностью утверждать, что далось это Никите Сергеевичу нелегко. Операция была проведена таким образом, что “его разведчик” остался вне подозрений.

Позже высокопоставленный сотрудник американского ЦРУ, тесно работавший в то время с СИС, характеризует работу советских агентов, с горечью признался: “Было бы лучше, если бы мы вообще ничего не делали!”

Блейк с блеском использовал против Соединенного Королевства и его союзника США методы Сикрет Интеллидженс Сервис, которыми досконально владел...

* * *

Дело о шпионаже в пользу Советского Союза сотрудника британской разведки СИС Джорджа Блейка, который на момент ареста работал в Бейруте, слушалось 3 мая 1961 года в Лондоне. Возле здания уголовного суда высшей инстанции Олд Бейли толпились десятки журналистов. Они пытались попасть в зал заседаний. Но путь им преградила полиция. Офицер несколько раз объявил: “Господа, расходитесь. Заседание суда проходит в закрытом режиме. Специальное сообщение для прессы будет позже доведено до вас”.

О том, какое значение власти придают этому делу, свидетельствовал тот факт, что в роли государственного обвинителя на процессе выступал сам генеральный прокурор Великобритании сэр Реджинальд Меннинген-Баллер, а в допросах в штаб-квартире МИ-6 на Карлтон-гарденс принимал участие её генеральный директор — сэр Дик Уайт.

В ходе следствия подсудимый вел себя мужественно. Он не раскрыл ни одного работающего на СССР агента. На “подсказку” следователя (в штаб-квартире МИ-6 на Карлтон-гарденс) отметить в протоколе, что “к сотрудничеству с советскими спецслужбами его принудили пытками, угрозами и шантажом” (для использования его “в двойной игре” с КГБ), Блейк с возмущением заявил, что сделал выбор добровольно, по идейным мотивам. В этой связи

суд констатировал, что бывший сотрудник СИС не рассматривал сотрудничество с советской разведкой как средство обогащения, а перешёл на другую сторону из идеологических побуждений.

Британские спецслужбы шокировала бескорыстность работавшего на Советский Союз разведчика. Мало того, что его действия привели к оглушительному “стриптизу” тайных операций СИС и американского ЦРУ. Вся отработанная веками система подбора кадров в английскую разведку была поставлена под сомнение одним человеком.

Для сравнения. За 11 лет до суда над Блейком – 1 марта 1950 года – в Лондоне состоялся суд над немецким эмигрантом, физиком Клаусом Фуксом. Приехавший из США в Великобританию учёный в ходе следствия признался в передаче Советскому Союзу информации по атомной бомбе. Английские и американские газеты называли Фукса “величайшим шпионом...”, “человеком, сокрушившим могущество Америки”. Британский суд приговорил “величайшего шпиона”... к 14 годам заключения. Блейку дали в три раза больше!

Данный пример я привёл здесь не случайно. Он характеризует роль британской СИС в системе безопасности этой страны. По мере стирания граней между военными и невоенными средствами борьбы, проникновение в ходе “холодной войны” агента противника в структуру МИ-6 рассматривалось британской властью выше ущерба от утраты технологии в сфере создания оружия массового поражения. Эти соображения, а не британский закон (кстати, запрещающий экстраординарные наказания) легли в основу решения морально раздавить Джорджа Блейка – обречь его на забвение, упрятав за решетку, по сути, на всю жизнь.

Но случилось противоположное: жесткость приговора мобилизовала Блейка на борьбу. Воистину, как сказал один из коллег легендарного разведчика, “...профи такого уровня, как Джордж Блейк, снимают вопрос, что такое разведка – ремесло или искусство? Уж кого-кого, а его в ремесленничестве не уличишь”.

В результате через пять лет после его ареста аристократическая элита страны Альбиона во второй раз почувствовала себя униженной. Бывший сотрудник британской СИС опять заставил всю мировую прессу заговорить о себе... Он бежал из заключения. Но как?

Бежал, запутав следы, одурачив древнейшую лондонскую Скотланд-Ярд (Scotland Yard) – любимых лондонцами “бобби”, знакомую всему миру по рассказам Конан-Дойля, и не менее известную английскую СИС. К организации побега из тюрьмы Блейк привлек подданных Её Величества. А затем, оказавшись на свободе, с помощью английских друзей преодолел Ла-Манш и добрался, минуя пограничные посты НАТО, до восточного сектора Берлина. После чего был доставлен в Москву.

В книге “Прозрачные стены” Блейк пишет, что для английского правительства было унижительно, что маленькая группа “английских любителей” успешно организовала побег важного шпиона, оно предпочло бы, чтобы более распространённой версией осталось участие в операции КГБ, хотя друзья Блейка не скрывали своего участия в организации побега.

Пока в Англии вокруг личности Блейка строилось множество разнообразных мифов, основанных на различных догадках, Джордж, работая в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР (ИМЭМО АН СССР), с помощью товарищей по разведывательной деятельности устраивал свою жизнь в Москве в предоставленной ему квартире.

В начале 1970-х годов, после женитьбы и рождения сына, Джордж появился в одном подмосковном поселке среди хвойного леса. Это место успокаивающе диссонировало с предыдущей, полной невзгод и опасностей жизнью Блейка. Коллеги Джорджа по службе выбрали это место не случайно. Хороший микроклимат и близость к Москве сделали его привлекательным как для отдыха, так и для постоянного проживания. Долгое время мы – его соседи по даче – не знали, что приезжавший на “Волге” импозантный, в элегантно костюме-тройке джентльмен – это знаменитый на весь мир разведчик. Человек, который много лет в тайном одиночестве балансировал на краю смертельно опасной пропасти, в центре самой засекреченной организации британских спецслужб.

Привлекательной чертой незнакомца была его естественность. Он владел врождённой манерой при любых обстоятельствах оставаться самим собой,

ни единым жестом, мимикой или взглядом не претендуя на избранность. Но и “на демократа из толпы” не походил.

Человек-легенда раскрылся для нас, включая автора этих записок, после издания его воспоминаний. Оказалось, что в годы войны в Корее, где я сражался на стороне “северян”, Блейк вместе с другими заключенными дипломатами был интернирован неподалёку от расположения моей части.

Корейское прошлое и привело к нашему знакомству.

Сегодня Джордж Блейк передает свой опыт молодежи. Однако его разведывательная деятельность уже более полувека продолжает вызывать интерес мировой прессы. Фантастический побег из особо охраняемой лондонской тюрьмы Уормвуд-Скрабс, сравнимый с побегом героя популярного приключенческого романа – графа Монте-Кристо, стал международной классикой, вошёл в учебники и изучается в разведшколах.

Эта сложнейшая по замыслу операция явилась проверкой профессиональных навыков разведчика. Пребывание в заключении, закончившееся побегом, раскрыло мощный духовный потенциал Блейка, что достойно отдельного рассказа.

* * *

Уормвуд-Скрабс (далее Скрабс) – старинная лондонская, особо охраняемая тюрьма – стала знаменитой благодаря побегу нашего героя. В неё входил комплекс из четырёх прямоугольных блоков, между которыми находились вспомогательные помещения с несколькими прогулочными дворишками. Шестиметровая кирпичная стена Скрабс круглосуточно охранялась тюремными стражниками. Блейка поместили в блок “D”, в котором содержалось 370 заключенных. Тюремный режим был строг. С первых дней Блейку выдали специальную одежду – костюм с большими белыми заплатами на куртке (напротив сердца) и брюках (по обе стороны колена). Такую форму носили заключенные, совершившие побег или, согласно обнаруженным уликам, готовившиеся к побегу. Заплаты были хорошо видны в темноте и являлись идеальной мишенью для стрельбы на поражение. Среди заключённых существовала строгая иерархия. Появление на прогулках единственного в своем роде новичка привлекло всеобщее внимание и вызвало любопытство обитателей Скрабс. Блейк с первого дня был причислен “общественностью” этого заведения к тюремной “аристократии”. Один из организаторов побега – ирландец Шон Бэрк – вспоминает о первых встречах с Блейком в лондонской Скрабс:

“... Во время ежедневных прогулок я больше всего общался с человеком, к которому испытывал большую симпатию... Он представлял собой уникальное явление, будучи единственным заключённым в блоке, которого не разрешалось сопровождать “голубым повязкам” (доверенным лицам из заключенных. – Авт.). Куда бы он ни выходил за пределы блока, его обязательно сопровождал надзиратель... Несмотря на самый длительный срок, к которому когда-либо приговаривал английский суд, Блейк “тянул ляжку” достойнее других моих знакомых. Обыкновенно он проходил по залу с высоко поднятой головой, широко улыбаясь. Ничего нельзя было прочесть на его лице... Он ни у кого не просил помощи, а даже наоборот, другие узники искали у него утешения... Я всегда с удивлением и восхищением глядел на этого человека, не имевшего проблеска надежды на освобождение, но который помогал советом и утешал двадцатилетних парней”.

Сам Джордж вспоминает те дни с присущей ему иронией:

“Облачившись в новую форму, я во всей полноте осознал мудрость известной пословицы, что “свобода – последнее в списке ценностей, когда свободен. И самое ценное, – когда ее теряешь”. Срок 42 года показался мне нереальным. Как у военнопленного, у меня оставался только один выход – бежать. Решение бежать стало непоколебимым, а девиз: “не переживай, а действуй!” – стал стимулом моего существования. В 1961 году мою жизнь в Скрабс скрасил Горден Лонсдейл (советский разведчик Конон Трофимович Молодой. – Авт.). Он был осуждён на 25 лет. Наши прогулки во дворе тюрьмы под общей охраной давали возможность для общения. У Гордена был огромный запас анекдотов, и мы часто громко смеялись, вызывая немалое удивление других заключённых и надзирателей: им было непонятно, над чем

могли так смеяться два человека, только что осуждённые на 25 и 42 года... Внезапно Гордена перевели в другое место. За несколько дней до этого между нами состоялся разговор, который мне врезался в память. Лонсдейл, который в любой ситуации сохранял оптимизм, обратился ко мне со словами: "Я уверен, что мы вместе будем в Москве на большом параде в день 50-й годовщины Октябрьской революции".

Для справки. Молодой оказался провидцем. В 1964 году его обменяли на Грэвилла Винна (агента английской разведки МИ-6), приговорённого Военной коллегией Верховного суда СССР к восьми годам заключения (связника печально известного Пеньковского). Джордж Блейк бежал из заключения 22 октября 1966 года. Через год – 7 ноября 1967-го – они оба стояли рядом на Красной площади!

Слушая рассказ Блейка о его подготовке к побегу, не перестаешь удивляться силе духа этого человека, упорству и умению сосредоточиться на поставленной цели. Будучи реалистом, он понимал, что, являясь гражданином Великобритании, в отличие от Лонсдейла (Конона Молодого), он не имел шансов выйти на свободу по обмену агентами. Тем не менее, предсказание Молодого явилось дополнительным импульсом в стремлении к освобождению.

"Ознакомившись с условиями содержания в Уормвуд-Скрабс, – вспоминает Блейк, – я решил сам организовать свой побег – как обычную разведывательную операцию! К её подготовке приступил в условиях тотального контроля со стороны тюремных надзирателей и при полном отсутствии материальных средств".

Несколько цифр. Только на разработку замысла операции, плана, подбор и привлечение единомышленников у Блейка ушло целых 3 года. Благодаря тщательной подготовке, побег непосредственно из Уормвуд-Скрабс уложился в десятки минут. Подготовка и осуществление операции "Лондон – Восточный Берлин", включая преодоление Ла-Манша и нескольких пограничных постов НАТО, заняли почти два месяца.

– Моя работа, связанная с организацией побега, облегчалось хорошей агентурной школой Милитер Интеллиндженс Сервис, – рассказывает с лукавой улыбкой Блейк, – и общением с талантливыми разведчиками-связниками из числа советских спецслужб, с которыми мне посчастливилось работать. Меня научили правильно определять задачи и в любых условиях сохранять самообладание. Первой задачей, которую надо было решить, находясь в заключении, – расположить к себе тюремные власти. Второй – создать группу храбрых единомышленников из заключённых, подлежащих скорому освобождению, и наладить с ними надёжную систему сочувствующей связи.

Занятия йогой, учеба на заочных курсах Лондонского университета и посещение кружка английской литературы облегчили "привилегированному арестанту" тяготы его тюремного режима, создали легальный предлог для знакомства и общения с другими заключёнными и обеспечили видимость, что пленник смирился со своей участью.

– То, что тюремная администрация со временем увидела серьёзное отношение к занятиям, – продолжает Блейк, – лишний раз убедило их, что я не помышляю о побеге. Мои занятия начались с изучения арабского языка и труда доминиканского монаха, образ которого стал для меня чем-то вроде примера: я добровольно наложил на себя ограничения более жёсткие, чем тюремные правила, воспринимая себя "как монаха-созерцателя"... В результате многие тюремные служители стали даже сочувствовать мне и выпавшей на мою долю участи... Всё время я подыскивал людей, которые были бы готовы и могли бы мне помочь. Я отлично понимал, что без подобной помощи мой план неосуществим. Даже если мне удастся выбраться из тюрьмы, куда я пойду? Англия – остров, и не так-то просто будет его покинуть.

Среди заключённых, наряду с арестантами, получившими длительные сроки, содержались узники, ожидавшие скорого освобождения. Со временем внимание Блейка привлекли трое: молодой редактор тюремного журнала "Новый горизонт" ирландец Шон Бэрк (срок его заключения заканчивался в 1966 году) и осуждённые на 18 месяцев англичане Майкл Рендл и Патрик Поттл. Они выгодно выделялись из общего окружения. Этим людям объединило возмущение вопиющей несправедливостью суда и власти, не желавших разобраться в мотивах их поступков, а также такие качества характера, как интеллектуальная независимость и личная храбрость. Блейк, вспоминая

о своём пребывании в Скрабс, подчеркивает, что, общаясь со своими новыми друзьями, он привлекал их искренностью, больше слушал, не задавая вопросов. В ответ Шон Бэрк поведал, что он был осуждён как террорист (на 8-летний срок) за то, что по почте послал бомбу грязно оскорбившему его полицейскому. Должность редактора давала право на ношение “голубой повязки”, позволяющей передвигаться по территории тюрьмы без сопровождения. Майкл Рендл с Патриком Поттлом рассказали, что получили срок за организацию и участие в демонстрации против размещения в Англии бомбардировщиков США с ядерными бомбами. Они оба считали себя политическими заключёнными и незадолго до своего освобождения предложили Блейку помощь, если он решится бежать. Оказавшись на свободе, Майкл с Патриком не забыли своего обещания: они регулярно присылали ему рождественские открытки.

– Оба живы и сегодня, – говорит Блейк, – и каждый год – в день своего побега – я им звоню, чтобы выразить свою благодарность. . .

Когда заключение Шона Бэрка подошло к концу, пришло время действовать. Шон сразу согласился на участие в операции.

Роли были распределены следующим образом: на Шона возлагалась организация побега из самой тюрьмы и связь с Майклом Рэндлом и Патриком Поттлом. На них лежала ответственность за конспиративную квартиру, где Блейк мог скрыться, а также за подготовку побега из страны. Майкл взялся найти необходимые средства для осуществления операции. Его жена Энн добровольно вызвалась (вместе с детьми – двух- и трехлетними мальчиками и мужем) сопровождать Блейка при преодолении Ла-Манша на купленном и специально оборудованном потайным шкафом (для Блейка) фургоне до Восточного Берлина. Блейк осуществлял общее руководство операцией.

По его инициативе к подготовке побега был привлечен 26-летний лондонец – Питер Мартин (отбывавший 6-летний срок за ограбление почтового отделения). Через него проверялись качество радиосвязи, контакт с Блейком (Питер передал ему портативный радиопередатчик) и обеспечение тщательного наблюдения за распорядком дня в тюрьме. Кроме того, Питер вызвался выдавить в день побега стекло окна и чугунную решётку.

– “Я легко проделываю такие штуки при помощи оберточной бумаги, резинового клея и гидравлического домкрата”, – с профессиональной гордостью заявил Питер, – вспоминал Шон. – За месяц до побега мы стали фиксировать не только все изменения, но даже слухи о возможности перемен. Блейк не пропускал ни одного фильма: чтобы все привыкли его видеть в кинозале. Я (Шон) изучал обстановку в тюрьме в 6 часов вечера по субботам. Побег был назначен на субботу 22 октября 1966 года во время демонстрации фильма в 6.15 вечера.

Побег из тюрьмы прошёл, если не считать сломанной руки Джорджа, благополучно. Он повредил руку при преодолении шестиметровой стены тюрьмы Скрабс (с помощью лестницы, сплетенной из тонких бельевых веревок).

Тот вечер врезался в память обитателям Скрабс на всю жизнь. Некоторые из них написали воспоминания.

“Когда в 9 вечера по радио объявили о побеге, – пишет один из них, – и передали комментарий, что “все порты и аэродромы взяты под наблюдение”, камеры тюрьмы взорвались восторженными криками обитателей Скрабс, дружно исполнившими английскую песню: “А он хороший парень, а он хороший парень, – и так мы скажем все!”.

Автор этих записок два года спустя после побега Блейка (1968) был командирован в Великобританию на авиационную выставку Фарнборо (аэродром под Лондоном). Прикреплённый к нашей группе английский “куратор” – мистер Остин – рассказывал, вспоминая те дни, что лондонцы были поражены: все городские газеты опубликовали портреты беглеца, по всей Англии была объявлена тревога. В городах и населённых пунктах фотографии Блейка были розданы полиции, таможенникам и пограничникам. За всеми восточно-европейскими посольствами и консульствами, портами, аэровокзалами и частными аэродромами страны велось постоянное наблюдение. Единственный след “беглеца”, который был найден, – это брошенный Шоном у стены Скрабс букет цветов (которым Шон маскировал свой радиопередатчик. – **Авт.**), названный позже обладающими чувством юмора английскими СМИ “букетом хризантем для надзирателей”.

– Полиции не могло прийти в голову, – смеется Блейк, – что “конспиративная квартира” находилась в 5 минутах от тюрьмы – на улице Хайлевер-роуд. На вторые сутки её пришлось заменить. Не обошлось без досадной оплошности. Из-за отсутствия бумаги в спешке приготовленный для хирурга стол накрыли утренними газетами с моими фотографиями. Благородный эскулап оказался настоящим английским джентльменом: сделал вид, что ничего не заметил, и, поставив гипс, не взяв денег, спешно удалился.

Заменив квартиру, Майкл (с женой Энн и Патриком) продолжил подготовку ко второму этапу операции. Работа была завершена к 17 декабря. В этот день рано утром Майкл и Энн со своими детьми (и Блейком в шкафу фургона) выехали по направлению к Дувру. Добравшись до порта, на пароме “Дувр–Остенд” пошли к Бельгии. На погранпостах никаких проблем не возникло. “Семейный фургон” практически не досматривали, пограничники ограничивались проверкой документов. До Восточного Берлина добрались без происшествий.

* * *

На вопрос: “Какой этап в побеге был самым сложным и важным?” – отвечает Блейк:

– Разработка замысла операции и создание коллектива талантливых и смелых единомышленников, способных идти со мной до конца. И осознание своей правоты. Огромной моральной поддержкой для меня было сообщение по радио 12 апреля 1961 года о первом в истории полёте в космос Юрия Гагарина. Я воспринял его как подтверждение того, что работал не напрасно. Помогал тем, кто шёл в авангарде прогресса. Это сознание придало мне дополнительные силы при подготовке операции.

– Правда, что, кроме уголовника, на разных стадиях подготовки к побегу и его осуществлению, наряду с Шоном, Майклом и Патриком, был задействован еще один заключенный-банкир?

– Банкир, – смеется Блейк, – мне даже на прощание Коран подарил, и сказал: “Ты работаешь против государства – мы с Питером (тем самым вором. – Авт.) тоже, поэтому мы с тобой по одну сторону баррикад...” Ни один из этих людей не предал нас. Лишённые свободы, они остались истинными джентльменами, для которых неспортивное поведение позорно. И ещё. Вся группа – Шон, Майкл (между прочим, с женой и малолетними детьми), Патрик, Питер (профессиональный вор) – действовала бескорыстно, считая, что выполняет свой человеческий долг. Обитатели Скрабс считали меня собратом по несчастью. Мои сообщники знали законы, историю страны и искренне не понимали власть, которая поступает так, как будто “их добрая Англия не демократическое, а варварское государство, где атрибутом правительства служит кнут”. В частности, считали, что бесчеловечный в отношении их товарища по несчастью приговор противоречит английскому “Биллю о правах” (Bill of Rights, 1689), запрещающему экстраординарные наказания. В глазах заключенных я стал их собственной историей – историей безвозвратно погубленного в тюрьме времени, дорогого в жизни каждого человека.

Один из организаторов побега, Шон Бэрк, вспоминает свой решающий разговор с Блейком, который закончился его согласием о сотрудничестве с ним в подготовке побега.

– Когда я принял предложение Джорджа, – пишет он, – то понял, что ныне не смогу думать ни о чём другом. Почему я сразу согласился пойти на этот опасный шаг? И с такой готовностью! Конечно, мне нравился Блейк. Ему симпатизировали многие. Но было ли дело только в этом? В Скрабс много хороших парней, но я не уверен, что так же охотно решился бы помочь им. Здесь наверняка сыграла свою роль особая длительность его срока. К тому же он был не простым заключенным, а узником совести...

Воспоминания самого Блейка – это ценнейшая исповедь очевидца. Его жизнеописание, охватывая почти целый век, во многом объясняет сделанный им решающий в жизни выбор. Еще юношей он оказывался в ситуациях, требовавших принятия мгновенных решений.

На формирование политических взглядов Блейка оказали влияние семейные традиции. Джордж воспитывался в духе либеральной протестантской эти-

ки, интересовался историей, с детских лет много читал. В юношеские годы он не помышлял связать свою судьбу с разведкой: мечтал о спокойной жизни – хотел стать пастором протестантской церкви...

Блейк шутит: “Если верить в предопределение, моя история не случайна. Я родился 11 ноября 1922 года – в год образования Советского Союза”.

Джордж гордился своим отцом – заслуженным ветераном Первой мировой войны, который за боевые заслуги был награждён двумя боевыми крестами (один из них – французский), получил английское гражданство и пожизненную военную пенсию. Последним армейским назначением Альберта Бихара был Роттердам. В этом городе он женился.

Мать Джорджа – Катарина, уроженка Бейдервеллен, происходила из знатного рода, давшего Нидерландам ещё в XVII веке ряд церковных иерархов и адмиралов. Она оказала большое влияние на своего единственного сына, привив ему тягу к духовной жизни. Блейк считал и не перестает считать, что без неё люди несовершенны. Важную роль в его жизни играла бабушка. Он был её любимцем.

После смерти отца в 1935 году Джордж вынужден был отправиться в Египет – в семью сестры отца, муж которой был богатым банкиром. Их предки в конце XV века бежали из Испании, спасаясь от еврейских погромов. В Каире Джордж получил хорошее образование сначала во французском лицее, а затем – в английском колледже. Благодаря влиянию братьев, юношу еще в те годы заинтересовали идеи научного социализма, которые, как показали последующие события, явились “бомбой замедленного действия”. Его двоюродные братья рано включились в политическую жизнь. Один из них изучал Маркса и Ленина и был убеждённым социал-демократом, другой – атеист, стал одним из основателей Коммунистической партии Египта. Однако в то время Джордж не отказался от своего намерения получить богословское образование и стать священником.

Вторжение немцев в Голландию в 1940 году круто изменило жизнь Блейка, который с первых дней возненавидел гитлеровцев, вынудивших голландскую королеву – его любимую Вильгельмину – бежать из страны. Приехав на летние каникулы из Египта домой к матери, он вскоре вступил в движение голландского Сопротивления.

После ареста Джорджа нацистами в Голландии и удачного освобождения, нелегального перехода через оккупированную немцами Европу в Испанию, а потом и в Англию сложившиеся обстоятельства связали его с разведывательной деятельностью. В конце войны, выполняя задания по подготовке агентов, засылаемых в оккупированную гитлеровцами Голландию, Блейк сочувствовал Советскому Союзу – союзнику Великобритании, на плечи которого легла основная тяжесть борьбы с ненавистным нацизмом. В 1946 году ситуация изменилась. Офицеров СИС стали привлекать к задачам, связанным с отбором бывших нацистов для борьбы против СССР.

Благодаря знанию языков, добросовестности, трудолюбию и аналитическому складу ума, Блейк как перспективный работник СИС был направлен на учёбу – на курсы русского языка при Кембриджском университете.

Учёба в Кембридже – отдельная тема в биографии Блейка. В период борьбы с фашистами социалистическая идея, воплощаемая в Советской России, имела много сторонников, включая элитную среду английского общества, особенно среди молодежи, в том числе студентов Кембриджского (“кембриджская пятерка”), а также Оксфордского университетов (так называемые “сталинские кроты”). Существенную роль играло то, что СССР был первой страной, выступившей против германского фашизма, – его добровольцы воевали в Испании.

Занятия в университете расширили кругозор Блейка. Он до сих пор с благодарностью вспоминает талантливых профессоров, которые привили ему не только любовь к русской истории и произведениям русских писателей, интерес к русской культуре, поменявшим его взгляды на все русское. Но и чувство восхищения добросердечностью и великодушием русского народа, его отвагой в борьбе с иноземцами с Востока и с Запада. Когда слушаешь воспоминания Блейка о Кембридже, трудно удержаться от рекомендации нашему реформированному Министерству образования: поучиться у англичан преподаванию русской истории и литературы. В Кембридже профессором была православная англичанка доктор Элизабет Хилл.

— Я оказался одним из её любимых учеников, — делится своими воспоминаниями Блейк, — её влияние изменило мое отношение к России и русским вещам. До Кембриджа я не видел разницы между русским и советским. Доктор Хилл вдохнула в меня новое отношение к России, заразила всех студентов своей любовью ко всему русскому. Благодаря ей я познакомился с героями романов “Анна Каренина” и “Воскресение” графа Л. Н. Толстого. Со временем мой растущий интерес ко всему русскому превратился в глубокое чувство — в настоящую любовь.

В последнее время Блейк стал плохо видеть. Однако жизнь приносит не только неприятности, но и подарки. В прошлом году его супруга Ида Михайловна закончила читать ему вслух “Войну и мир”. Джордж особенно ценит, что он познакомился с этим великим сочинением благодаря русской женщине — его любимому близкому другу.

“Толстой на многое открывает глаза, даже мне — человеку преклонного возраста, не только в противопоставлении великих личностей, — вслух рассуждает Блейк, — но и в образе чувств и мыслей каждого солдата, во всём нравственном мире русских людей, во всех явлениях их жизни: в манере любить, страдать, умирать... “Война и мир” позволяет каждому человеку найти нравственную опору своих поступков. Помогает, например, осознать, в чём истинное и ложное достоинство, истинное и ложное величие, истинный и ложный героизм, присутствующие даже в слабых душах. И не оставляет сильных в минуты их заблуждений”.

Судьбу Блейка нельзя рассматривать в отрыве от событий того времени. Много лет спустя вместе с Блейком с симпатией и признательностью отзывались о системе подготовки в Кембриджском университете по русской и советской проблематике выдающиеся советские разведчики из “кембриджской пятерки” Ким Филби и Дональд Маклейн (будущий друг Джорджа), которые до него — в 1930-е годы — учились в этом университете. Для них те годы стали судьбоносными. В частности, Ким Филби вспоминает: “В условиях экономического кризиса... в моей родной Англии я видел людей, ищущих правды, борющихся за неё. Я мучительно искал средства быть полезным великому движению современности... Олицетворением этих идей был Советский Союз, его героический народ, заложивший начало строительства нового мира. А форму этой борьбы я нашел в советской разведке. Я считал, что этой работой я служил и моему английскому народу...”. Для справки: знакомству Блейка с советскими разведчиками суждено было состояться позже — в ИМЭМО АН СССР, где им вместе предстояло работать, находясь в Советском Союзе.

Однако Блейк не скрывает, что в те годы открывавшаяся перед ним перспектива работы в британской разведке привлекала его, поскольку была связана с наивной романтической надеждой способствовать изменению мира в лучшую сторону.

Практическая разведывательная деятельность молодого офицера во время войны и отличные оценки в Кембридже сыграли свою роль. В 1948 году Джордж Блейк был командирован в самую горячую точку “холодной войны” — Южную Корею, на ответственную самостоятельную работу в качестве резидента СИС в этой стране.

* * *

25 июня 1950 года началась Корейская война.

“Не только для меня, — рассказывает Блейк, — но и для посла Великобритании в Корее участие в этой войне Великобритании явилось полной неожиданностью.

В тот вечер мы слушали Би-би-си. Услышанное вызвало настоящий шок... После захвата армией Ким Ир Сена Сеула мы оказались в ловушке, так как были уже не нейтралами, а представителями враждебной армии на территории противника... Мы были интернированы. Предстояли испытания, связанные с трёхлетним пленом на территории Северной Кореи”.

Знакомство ещё до войны с южнокорейским профашистским режимом Ли Сын Мана в Сеуле, пережитый в плену кошмар тотальных американских бомбардировок с применением против мирного северокорейского населения шрапнельных бомб, напалма и прочего запрещенного международным пра-

вом оружия привели бывшего резидента СИС в Корею к решению, которое круто изменило его жизнь.

Хотя Корейскую войну называют войной “забытой”, в памяти её очевидцев, включая Блейка, она оставила глубокий незаживающий след. Их воспоминания, в свете его истории, а также сегодняшних событий на Ближнем Востоке (в Ливии, Сирии) не потеряли свою актуальность. В книге “Прозрачные стены” Блейк пишет: “На моих глазах американские бомбардировщики буквально стирали с лица земли корейские деревни, города... И я спрашивал себя: что нам нужно в этой войне? На чьей стороне я должен сражаться... Без всякого сомнения, война, которая бушевала вокруг, сыграла роль катализатора... Страдания мирных жителей и, конечно, пленных солдат, разделявших мою судьбу, казались мне совершенно бессмысленными... не на благо моей стране... Когда я видел огромные серые тени американских бомбардировщиков, сбрасывающих свой смертоносный груз на маленькие, беззащитные корейские деревушки, когда я видел убитых крестьян, прятавшихся в полях, в основном женщин, детей и стариков, потому что все мужчины были на фронте, — я не чувствовал ничего, кроме стыда и возмущения”.

В 1999 году в США были опубликованы, как будто предостережение иракским и ливийским событиям, воспоминания американского ветерана Эдварда Дэйли, который рассказал об убийстве сотен корейских беженцев, в основном женщин, детей и стариков, в Но Ган Ри в Корее 26–29 июля 1950 года. Его слова никого не могут оставить равнодушным.

“В летние ночи, — пишет он, — когда дует лёгкий ветерок, я всё ещё слышу их вопли, крики маленьких детишек”.

“... После неожиданного налета ВВС США, убившего около 100 крестьян, выселенных из своей деревни американскими солдатами, — вспоминает другой американец Норм Диксон кровавую бойню в окрестностях деревушки Но Ган Ри, — ещё около трехсот других корейцев, почти все женщины, дети и старики, укрылись под мостом в узкой канаве... все они были убиты”. Это случилось в 100 милях к югу от Сеула в Южной Корее.

“На территории, которую войска Объединенных наций согласно решению ООН обязаны были защищать! — добавляет журналист Эстер Гален. — Командир американского отряда капитан С. Чендлер после разговора по радио со своим штабом приказал пулемётчикам приблизиться и открыть огонь под мостом... , сказав своим солдатам: “К черту всех этих людей. Давайте-ка избавимся от них!”. Корейка Рак Хи Сук (ей было в 1950-м 16 лет) свидетельствует: “Я до сих пор слышу стоны женщин, умирающих в лужах крови, дети плакали и цеплялись за своих мёртвых матерей”.

Я был направлен в Корею летом 1951 года. До этой войны Америка для меня — молодого офицера, несмотря на официальную пропаганду, выглядела сказочной и желанной страной из детских мечтаний — “бастионом демократии”, землёй Голливуда, свободы, Диснейленда, “прогресса” и “американской мечты”.

Корея всё изменила. Мне, как и любому нормальному человеку, впервые ступившему на северокорейскую землю, невозможно было понять, зачем повсюду: от линии фронта на юге и до Сингисю, и дальше на север — происходит планомерное уничтожение целого народа? Почему, скорчившись, зарывшись в землю, миллионы мирных людей, для которых эта земля является их родиной, должны прятаться от бомбардировщиков и истребителей, прилетевших из далёких стран, расположенных за тысячи километров от их земли? Зачем их стараются как можно основательней изувечить или убить?

Зверства деморализуют любую армию. Армия “мирового бастиона демократии” не была исключением. 70% военнослужащих, возвращавшихся из плена на родину, стали публично высказываться за то, чтобы скорее положить конец военным действиям в этой стране. В американских газетах появились письма бывших военнопленных. “Нью-Йорк таймс” сообщила, что только за первые полтора года войны в Корее из вооруженных сил США дезертировали 47 тысяч человек. В следующие полтора года количество дезертиров продолжало держаться на уровне 18–20 тысяч за каждые шесть месяцев. Вот такая была обстановка в Корее, определившая решение Блейка в 1951 году перейти на сторону СССР.

С учётом всего сказанного требует комментария английский фильм, посвящённый Джорджу Блейку, который был показан по одному из каналов российского телевидения в преддверии его юбилея. Фильм заканчивается приговором – словами ветерана британской Службы МИ-6:

“Блейк предатель, ему не может быть оправдания”...

Разумеется, никто не может запрещать любые высказывания. Однако не мешало бы разобраться, кто кого предал.

Начну с того, что политика – это не привилегия британской СИС или МИ-6, “...не что-то чуждое людям, насильственное по отношению к ним, “грязное и опасное дело”, это – напротив – воплощение их воли и разума” (из книги А. Казинцева “Возвращение масс”, “Наш современник”, Москва, 2010). Между прочим, и в такой стране, как Соединённое Королевство, тоже. А Блейк не был пешкой в этой стране. Жизнь воспитала его смелым, гордым, независимым и глубоко порядочным человеком. Какие бы задания ему ни поручали, он никогда никого не подводил. Война, аресты, плен, агентурная работа и многолетнее тюремное заключение только закалили его. Слова: “Проверен в бою, показал себя с хорошей стороны, отважен и решителен, перспективен для работы в разведке”, – не выбросишь из его личного дела.

Всей своей жизнью Джордж показал, что он не предатель – он борец.

Джордж Блейк восстал! Взбунтовался против бесчинствующего и предавшего его нравственные идеалы государства, нарушающего все нормы религиозных заповедей, мировой морали и общечеловеческой этики! Он восстал против шантажа президента США Гарри Трумэна, выступившего 30 ноября 1950 года на пресс-конференции с сенсационным заявлением: “Если потребуются, Америка начнёт ядерную войну”. Это заявление 33-го президента США не забыли мы, воевавшие в Корее. Оно прозвучало на фоне тотальных безжалостных бомбардировок, обрушившихся на северокорейские сёла и города.

Блейк принял решение о сотрудничестве с советской разведкой в конце 1951 года, когда война нервов на Дальневосточном ТВД достигла своего предела. Он понимал, к каким последствиям может привести монополия одной страны на обладание ядерным оружием. Об этом он написал в своих воспоминаниях. Свою службу в советской разведке он рассматривал как эффективную форму политической борьбы, а создание в СССР (август 1949) атомной бомбы – как решающий фактор сдерживания. Кто интересуется историей Корейской войны, тот знает: в октябре 1951 года американцы провели с целью шантажа населения и руководства КНДР имитацию атомных атак против объектов Северной Кореи. Бомбардировщики ВВС США сбросили на них муляжи атомных бомб (“Корея в огне войны”. Изд. Кучково поле. Москва, 2005. Операция “Река Гудзон”).

Не хотелось бы впадать в мистику... Однако если предположить, что среди британских судей Блейка оказались бы подданные Её Величества, испытавшие на себе адский кошмар англо-американских бомбардировок в Корее, если бы они видели глаза умирающих под бомбами детей, то судебный приговор был бы другим. Трудно поверить, но нечто подобное случилось.

С открытым протестом против решения британского суда выступили сообщники бежавшего “государственного преступника” Блейка, бывшие заключённые Скрабс: ирландец Шон Бэрк, англичане Майкл Рэндл и Патрик Поттл. Они бросили вызов властям Великобритании – опубликовали свои воспоминания о побеге. Опубликовали потому, что гордились своим поступком, который был совершен, исходя из благородных мотивов, без принуждения и бескорыстно. Признав свое участие в совершённом “преступлении”, они заявили, что готовы защищать свою Честь и Правоту в суде. Это выглядело, как открытый бунт.

Дело Шона Бэрка как гражданина Ирландии (оно было первым) слушалось в суде высшей инстанции 20–27 января 1969 года (за 22 года до суда над Майклом и Пэтом). Решение Верховного суда Ирландии было оглашено 3 февраля. Суд счёл, что так как действия Блейка носили политический характер, то обвиняемый не может быть выдан английским властям (участие Бэрка было квалифицировано как политическое).

Громкий процесс над англичанами – Майклом Рэндлом и Патриком Поттлом – состоялся в суде Олд Бейли в Лондоне в июне 1991 года, там же, где в мае 1961 года слушалось дело Джорджа Блейка.

Судебное заседание напоминало по накалу страстей прогремевший на всю Европу в конце XIX века суд над русской революционеркой Верой Засулич (март 1878). Дворянка Засулич, защищая поруганную честь заключенного студента А. С. Боголюбова, выстрелила в живот С.-Петербургскому градоначальнику генералу Трёпову и судом присяжных была оправдана и выпущена на свободу.

М. Рэндл и П. Поттл отказались от защиты. Однако их последнее страстное обращение к присяжным заседателям не уступало по своей убедительности судебной речи в защиту Веры Засулич российского адвоката П. А. Александрова и произвело огромное впечатление на всех присутствующих, став кульминационным моментом процесса. Показав в заключительном слове ложь и ханжество власти, они заявили: “Да, мы помогли Блейку бежать и сделали это из чисто гуманных соображений. Мы убеждены в правоте своего поступка и при необходимости мы бы это сделали снова. Нам не за что извиняться, и мы ни о чём не сожалеем”.

Патрик Поттл, обращаясь к присяжным, закончил свою речь словами своего учителя – английского философа Бертрانا Рассела: “Помни о своей человечности и забудь обо всем остальном”. В конце процесса присяжными (между прочим, гражданами Объединённого Королевства Её Величества) был единодушно вынесен оправдательный вердикт. Оба подсудимых – Майкл и Патрик – были тут же освобождены под громкие аплодисменты присутствующей публики.

Так через 30 лет после вынесения самого строгого в английской новейшей истории приговора британский суд в 1991 году фактически его дезавуировал, оправдав главных пособников побега Джорджа Блейка. Это стало сенсацией.

– Георгий Иванович, – обращаюсь я к Блейку, – драма вашей жизни по накалу страстей может заинтересовать не одного талантливого режиссёра. Сюжет достоин многосерийного художественного кинофильма.

– Обо мне уже показаны фильмы, – отвечает Блейк.

– Понравились?

– Трудно судить. Я стал плохо видеть. У меня в голове свой сценарий.

* * *

Работа Джорджа Блейка в советской разведке – подвиг. Пример высоко-нравственного служения человека, исполняющего свой гражданский долг.

Историю о легендарном разведчике хочется подытожить словами нашего героя:

“Меня часто спрашивают: не испытал ли я разочарование, не пожалел ли я о содеянном?”

Отвечаю: я ни в чем не раскаиваюсь. Попав в Советский Союз сразу после тюрьмы, я стал свободен. Благодаря академику Е. М. Примакову получил интересную работу в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. В ИМЭМО мне посчастливилось встретиться и подружиться с незаурядным ярким человеком, почти святым – Дональдом Маклэйном. Да и личная жизнь сложилась счастливо – я женился на прекрасной русской женщине, у нас родился сын. Только одно это дорогого стоит.

Конечно, прошлое не давало покоя: я виноват перед близкими мне людьми. Но они поняли меня. Три сына живут в Лондоне... Я благодарен своей первой жене – она никогда не настраивала наших детей против отца. Я не хотел их терять. Когда я попал в английскую тюрьму, сам попросил жену Джиллиан, чтобы она не приводила их ко мне на свидания. Со старшим сыном мы встретились в Берлине в 1981 году. Он приехал вместе с моей сестрой и бабушкой (моей мамой). Мы вместе жили две недели. Несколько позже приехали его братья. У нас был непростой разговор. Сыновья не разделяют моих убеждений. Но они религиозные люди и понимают: если человек во что-то свято верит – это во многом его оправдывает. В Англии вообще уважительно относятся к идеям. Правило: “Я не согласен с вашей точкой зрения, но отдам жизнь за то, чтобы вы ее могли свободно излагать”, – там не пустые слова.

Мои дети – четыре сына: русский и английские – общаются между собой, а русский внук ездил летом 2011 года к родным в Англию попрактиковаться в языке. У всех сыновей карьера удалась. 11 ноября надеюсь встретиться с ними в Подмосковье: я полюбил русскую природу”.

– Вы всем довольны, Георгий Иванович? – спрашиваю у Блейка.

После небольшой паузы он с лукавой улыбкой отвечает:

– Высшей наградой разведчика является сознание выполненного долга. Для полного счастья мне не хватает... – коммунизма. Не имитации и не пародии на коммунизм, а подлинного коммунизма. Да, СССР взял на себя ответственность за великий эксперимент, но он не увенчался успехом. Сталинские репрессии и сегодняшние реалии... – всё это я одобрить не могу.

Но разве христианская идея стала хуже от того, что была инквизиция? Пройдут годы – я верю, победит нравственность, и мир поймёт, что иной модели общества, чем коммунизм, просто не может быть, – и тогда прекратятся все войны...

В 1983 году на гражданской панихиде Дональда Маклэйна, который всю жизнь, до конца своих дней, продолжал верить в коммунистическую идею, Блейк, прощаясь с ним, выразил глубокое уважение этому человеку и преклонение перед его приверженностью избранному пути. Напомнив присутствующим библейскую притчу о сорока праведниках, он, в частности, сказал:

“...Вознамерившись уничтожить этот мир за грехи человеческие, Господь пообещал отказаться от своего намерения в случае, если нашлось бы на Земле сорок праведников. По моему мнению, мы, друзья и коллеги Дональда, имели редчайшую возможность лично знать одного из тех сорока, ради которых был сохранён наш мир”.

Я думаю, что и Джордж Блейк из их числа.